* * *

видимо, когда всё как-нибудь завершится — это
будет похоже на опустевший концертный зал:
немота, ряды кресел, потухшая сигарета
в пепельнице фойе, треть стакана с водой «Нарзан»
в буфете — и никого вокруг, даже эха

мир так никогда и не услышит, о чём ты думал,
кроме тех фраз, которые сам изложил,
о чём ты, бывало, молчал, чему злился, дурень,
и радовался негромко чему, пока был ещё жив,
пока время спокойно не наставило дуло

а, возможно, это будет похоже, когда всё завершится,
на пустую тропу: по краям — луговой клевер,
дальний пруд с остывшей к лунной ночи ушицей,
деревья, никогда не знавшие, что они деревья,
и в битых зеркалах путь: всё длится и длится

стансы к августу

I
дождь, словно не придавая значения
этому, капал небрежно и капал —
так, на бегу поедая печенье,
крошки всегда сыплешь на пол

II
осень по кронам крадётся безжалостно
к августу, рыжих наславши уродов,
будто в суде разбирается жалоба
о неуплате лендлорду

III
ночи длиннее, и светится подиум,
выстланный вдоль чешуи в океане:
лето проходит — в ажурном исподнем,
в звёздном теряясь экране

IV
и неразборчиво слышится смутное
в ветре, зависшем в жаре полусонной —
так и забудешь звонок тот предутренний,
сплошь из помех телефонных

* * *

позабыты и быт, и уют,
рот заклеен серебряным скотчем:
кем-то долго по клавишам бьют,
кто-то скрипку смычком защекочет

засыхает июньский листок,
одолеет жара тихой сапой —
встретишь ложь, коль свернёшь на восток,
смерть найдёшь, не покинув свой запад

стаи вырванных книжных страниц
улетают, ноябрь не дождавшись;
им читатели, павшие ниц,
машут вслед, окончательно сдавшись

со скалы барельефы сойдут,
вниз сползёт скалолаз с пьедестала —
ещё книги прилюдно не жгут,
но уже их сгребают навалом

пустыри за разбитым окном,
тень орла над безлюдной округой:
хватит спички поджечь этот дом,
да и тот, что покинут был другом

набивая попкорном кулёк,
вату плотно закладывай в уши:
тем, кто выжил, собачий скулёж,
как плач жертвы, что душат подушкой

* * *

глоток полуживой воды,
зачерпнутой со дна колодца:
нас здесь оставил поводырь
и выжить нам не удаётся

варфоломеевская ночь
тиха барханами пустыни:
к нам не придёт никто помочь
вовеки, присно и отныне

слепой, как случай, нас завёл,
пока не лопнула пружина:
глухой немому — лютый волк
плюс lupus est во дни хамсина

но кто мы, чтобы нас спасать,
делить с чужими чечевицу?
оазис блед, сух город-сад,
и в лабиринте нить не длится

* * *

я себя торможу, но бывает, срываюсь, как с петель
непослушная дверь, как на митинге мирном шпана:
день, конечно, не бел — безусловно, он бледен и светел;
чёрной ночи не будет — она однозначно темна

как бы это запомнить, чтоб было общаться не страшно,
чтоб вошло моментально, как в дерево — электродрель:
есть поэт окончательно тёмный по имени саша,
и поэт без румянца, под цвет алебастра — андрей

та же, в общем, картина с любой незабытой кликухой —
повторяй, ибо будешь в известных кругах нелюбим:
у героя — собака по кличке не-снежное ухо,
и зовут её просто, а если корректнее — бим

мой несчастный язык, как проснусь, неизбежно корявит,
а засну — так одни по сюжету маразм и сумбур:
что за мука — по цвету названья менять и морям, и
на рояле всем клавишам, в шахматах — группам фигур

правды нет на земле! вероятно, и выше б достали:
светлый ангел летает и тень его также бледна,
а под ним чёрт готовит тебе сковородку из стали —
цвета кофе без сливок, без бортиков, да и без дна

* * *

перед цунами уходит вода в океан,
яхты садятся на мель, тяжелы и причальны:
каждая башня песчаного замка — рапан,
будто касторку, в щель уха впитавший молчанье

время в клепсидре, должно быть, совсем истекло,
месяца два вытекало из времяпровода:
тем, кто погиб до цунами, ещё повезло,
если учесть ряд событий текущего года

ибо накроет всех выживших гнева волна
царства нептуна, с его всепричинной пучиной:
«что это, мама?» — «сынок, это просто стена,
просто вода; не волнуйся, сынок, будь мужчиной!»

не узнаваем в стене, кто б себя ни искал,
словно в одной оказался из призрачных комнат,
где, пропадая в кривом отраженье зеркал,
как бы чужих наблюдаешь — себя и знакомых

и не желая такого безумья врагу,
вдруг успокоишься — казнь ведь не может быть вечной;
только останутся выживших на берегу
толпы бесцельно бредущих кривых человечков